

ТАКТИКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В БЫТОВОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. А. Воронцова¹, Т. Р. Копылова²

¹Челябинский государственный университет, Россия

²Удмуртский государственный университет, Россия

Рассматриваются тактики толерантности как типа речевого поведения в бытовом диалоге. Специфика бытового диалогического дискурса обуславливает использование особого набора тактик и языковых и речевых средств для реализации толерантного речевого поведения. Такие тактики, как уход от конфликтной ситуации и уход от коммуникации, реализуются в бытовом диалоге преимущественно посредством молчания.

Ключевые слова: *речевое поведение, бытовой диалогический дискурс, толерантность, речевая тактика, молчание.*

Термин «толерантность» в лингвистических исследованиях не имеет однозначного определения. Тем не менее данный речеповеденческий феномен активно изучается в рамках лингвокультурологии, психолингвистики и прагмалингвистики применительно к разным типам дискурса [3; 4; 11—14 и др.].

В данном исследовании толерантность рассматривается с прагмалингвистических позиций как особый тип речевого поведения, который подразумевает установку на сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата в ситуации потенциального конфликта, разногласий, расхождений в оценках, в видении процесса коммуникации [3. С. 601].

Ранее были выделены релевантные признаки толерантного речевого поведения в публичном дискурсе [3]; исследований толерантности как речевого поведения на материале бытового межличностного общения нами не обнаружено. Между тем анализ речевой агрессии на материале бытового диалогического дискурса позволил выявить специфичные для данного типа тактики и речевые средства их реализации [2; 19].

Бытовая коммуникация имеет ряд отличительных особенностей: спонтанность, неподготовленность, персонифицированность, эмоциональность, искренность, непринужденность, необязательность выполнения конвенциональных норм, присущих институциональному общению, активное использование невербальных средств коммуникации, как и других экстралингвистических факторов [5; 6; 9; 10].

Специфика бытового диалогического дискурса обуславливает использование особого набора тактик и языковых и речевых средств для реализации толерантного речевого поведения.

Анализ бытовых диалогов показал, что на речевом уровне толерантное поведение реализуется с помощью следующих тактик:

- Указание на субъективный характер высказывания или оценки (*я думаю; я не думаю; мне кажется; по-моему; что касается меня; я так считаю; я так понимаю; мое мнение; лично для меня и др.*).

- Указание на границы личной компетентности/некомпетентности говорящего (*да я уже знаю об этом / я не знаю этого; я не разбираюсь в этом; да я уже все понял / я не понимаю в этом ничего*), личных предпочтений (*это не в моем вкусе; это не в моем стиле; это мое дело / не мое дело; это моя жизнь и др.*). Данная тактика призвана очертить область возможного обмена информацией и за счет этого контролировать процесс коммуникации.

- Дистанцирование от предмета речи. Эта тактика позволяет говорящему самому дистанцироваться от референта (предмета речи) или вывести предмет речи из зоны интересов адресата. Данная тактика может быть реализована несколькими способами:

- а) указание адресату или объекту речи на его зону ответственности, компетентности, предпочтений (*как знаешь; сам знаешь; если тебе нравится; делай, что хочешь / как хочешь; не твоё дело; им так нравится; врачам лучше знать; тебе/ему/им виднее и др.*);

б) отказ от оценки предмета речи (да никак; ничего не думаю; ее дело; кто как хочет, пусть так и одевается и др.);

в) указание на отсутствие интереса к предмету речи (мне все равно; пофиг).

- Уход от согласия (посмотрим; пока сказать не могу; давай доживем до праздников; подумать надо и др.).

- Мнимое согласие (ну, нет так нет; вроде / вроде так / ну вроде, ну ладно и др.).

- Уход от ответа/темы (давай об этом не будем; тему смени; наверное; не хочу об этом; чего об этом говорить и др.).

- Указание на неактуальность предмета речи (ну что теперь об этом; ну что теперь делать).

Данные тактики реализуются в основном при помощи определенных лексических средств. Речь субъекта характеризуется употреблением различной лексики вплоть до просторечной, грубой, обценной. При этом отличием толерантного речевого поведения от агрессивного является тот факт, что подобные единицы не адресованы партнеру по общению, они употребляются говорящим только по отношению к себе самому либо по отношению к предмету речи.

Наиболее частотными лексическими единицами при реализации тактик толерантности являются лексемы: «нормально» (0,24%), «дело» (0,19%) (ее дело; не наше дело; ну, дело ваше; вам вообще какое дело; их дело и т. п.), «знать» (0,30%), «понимать» (0,30%), «думать» (0,22%), «хотеть» (0,21%) (делай что хочешь; кто как хочет; как хочешь и т. п.).

Слово «нормально» в разговорной речи обычно имеет значение положительной оценки (*Сфоткай меня в инстик красиво! / только норм сфоткай / хочу классную фотку //*).

В роли самостоятельной реплики-реакции данная лексема используется в качестве речевого стереотипа, который является сигналом того, что говорящий не намерен обсуждать предложенную тему. В приведенных ниже диалогах цель говорящего при использовании таких высказываний — закрыть данный блок коммуникативного акта, но не прервать коммуникацию в целом.

Диалог в транспорте. Девушка (А) беседует с подругой (Б).

А: Ты слышала / сейчас трансов убрали из больных? //

Б: В смысле? //

А: Ну / по МКБ транссексуальность типа теперь не считается болезнью //

Б: О / норм //

А: В смысле норм? // Они же реально больные // По-твоему / когда баба считает себя мужиком или мужик считает себя бабой / это норм? //

Б: Ну не знаю / врачам лучше знать // Мне лично вообще на...ть // Пусть хоть что с собой делают // Их дело //

Употребление данной единицы может обозначать согласие, но при этом говорящий не намерен развивать предложенную тему.

Диалог в примерочной. Жена (А) обращается к мужу (Б).

А: Мне идет? / Беру? //

Б: Ага / нормально //

Особое значение в бытовом межличностном общении приобретают языковые единицы со значением неопределенности: неопределенные местоимения и наречия, формы множественного числа вместо единственного и т. п.

Диалог в транспорте. Дочь (А) разговаривает с матерью (Б).

Б: Ты знаешь / Я вчера из-за этого весь вечер сама не своя ходила //

А: Ой / мама / кто-то где-то сказал / да больно надо / много их развелось / экспертов /

Б: Не кто-то / Люся / она в банке работает //

А: Знаешь / сколько таких Люсь / все эксперты //

Б: Давай все-таки сходим в банк //

А: [...] (отворачивается к окну)

Б: Волнуюсь я //

А: Завтра посмотрим //

В данном диалоге высказывания с показателями неопределенности реализуют тактику дистанцирования говорящего от предмета речи.

Неопределенность в обозначении предмета речи часто противопоставлена субъективации (*Кому-то / может / и нравится / а мне // нет*).

Такие особенности бытового разговорного дискурса, как необязательность выполнения конвенциональных норм, присущих институциональному общению, и высокая роль невербальных средств коммуникации, обуславливают высокую частотность использования коммуникантами молчания, которое выступает как эквивалент высказывания в коммуникативном взаимодействии [2; 19] и может использоваться как средство реализации любой из тактик толерантности. Основным средством реализации молчания является в следующих тактиках:

- Отсутствие вербальной реакции на речевую и физическую агрессию (уход от конфликтной ситуации).

- Уход от коммуникации.

При этом коммуникативная задача — избежать некомфортного общения — решается адресантом в процессе как слушания, так и собственно речевого высказывания.

Толерантному речевому поведению более присуще пассивное слушание без уточнений, выяснений, перефраз, резюмирования и др. — так называемая вежливая тишина, обусловленная конвенциональными нормами [1]. Несмотря на конвенциональность, молчание, сопровождающее слушание, характеризуется интенциональностью, указывает на осознанность выбора коммуниканта. Коммуникант отказывается от речи, не вступает во взаимодействие, подчеркивая таким образом отсутствие интереса к предложенной теме или к коммуникации в целом. Молчание при пассивном слушании не прерывается вокализованными вербальными и невербальными компонентами общения; может сопровождаться скольльзящим взглядом на собеседника, от собеседника либо преднамеренным отсутствием взгляда, невыраженной мимикой, дистанцированностью и др. [8].

Диалог в общественном транспорте. Пожилая женщина (А) обращается к знакомой (Б).

А: Света / Света! //

Б: Здравствуйте / тетя Аня // Как дела? //

А: Да какие / Света / дела / теперь-то? // На пенсию / в больницу сходить / да в магазин / да и здоровье у меня //

Б: [...] (наблюдает за происходящим в салоне)

А: (трогает рукой) Вчера давление подскочило / Ой / раньше-то я была / огонь / мы с твоей матерью //

Б: [...] (слабая улыбка, преднамеренно смотрит в окно)

Особый интерес представляет эквивалентное молчание — аналог вокализованного речевого высказывания, нулевой коммуникативный знак (реплика) [7; 15—18].

Анализ текстов показал, что ответная нулевая реплика — достаточно частотный коммуникативный ход в бытовом общении (12,7% из общего объема). Наиболее часто она реализует тактики мнимого согласия (1%), ухода от неадекватного поведения собеседника (5%), неинтересной темы (15,8%), оценки (18,4%), речевой агрессии (28,9%), ком-

муникативного взаимодействия в целом (31%) (см. рисунок ниже).

Ответное молчание как толерантное речевое поведение является одной из частотных реакций на агрессию, реализующих тактику ухода от конфликтной коммуникации.

Диалог в магазине. Участники: женщина средних лет (покупает) (А), продавец (Б), пожилая женщина (опирается на палку) (В), мужчина средних лет (Г).

Г: (минуя пожилую женщину, подходит к той, которая покупает продукты): Сосисок купи еще / килограмм / мама просила //

А: (кивает) Угу //

В: (в раздражении ударяет мужчину по голени палкой) Куда?! //

Г: [...] (морщится от боли, отворачивается от коммуниканта В)

Б: [...] (отворачивается, спокойно взвешивает сосиски)

А: [...] (с понимаем взглянула на коммуниканта Г)

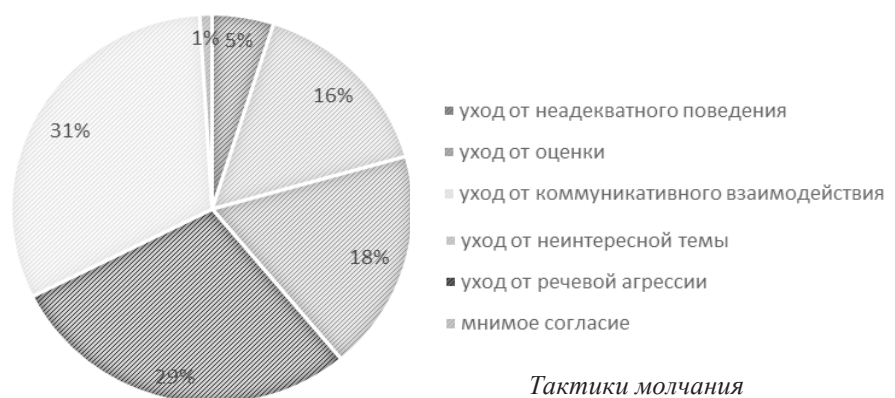
Б: (с улыбкой) Ваши сосиски // С вас 580 руб. //

А: (берет товар) Спасибо! // (расплачивается, протягивает пакет с продуктами коммуниканту Г). До свидания! //

Б: Вам спасибо! // Приходите еще! //

В: (недовольно бормочет про себя)

Данный диалог наглядно показывает отличие толерантности от другого вида конструктивного общения — вежливости. Молчание коммуниканта Г нацелено на подавление собственной реакции на агрессию ради ухода от конфликтной ситуации. Поведение коммуниканта В не может быть понято, принято; никто из участников общения даже не пытается вступить с ним в коммуникацию, оправдаться, объяснить, защитить свою позицию, то есть выстроить с ним единое коммуникативное пространство. Более того, коммуниканты А, Б, Г выстраивают собственное коммуникативное

Тактики молчания
в толерантном бытовом общении

пространство с целью не допустить конфликтной ситуации, поддержать в этом друг друга, при этом максимально дистанцируясь от агрессора (отворачиваются, спокойно и доброжелательно продолжают свою деятельность, общаются утрированно вежливо).

Толерантное молчание сопровождается определенными невербальными действиями: коммуниканты *отворачиваются, смотрят в другую сторону, пристально изучают какой-либо предмет, недовольно морщатся, поджимают губы.*

Часто молчание выступает не только как тактика ухода от конфликтного общения, но и как тактика ухода от коммуникации для защиты собственного пространства.

Диалог в трамвае. Участники: мужчина (А), женщина 25—30 лет (Б). Мужчина входит в вагон, садится напротив женщины.

А: Почему вы такая грустная? //

Б: (равнодушно посмотрела, отвернулась) [...]

А: Улыбнитесь / а то сидите как бука //

Б: (равнодушно посмотрела, отвернулась) [...]

А: Давайте я вам анекдот расскажу //

Б: [...]

А: Нет / ну давайте я все же расскажу //

Б: [...]

А: Выходит муха из бара / пытается взлететь... / Вы слушаете? //

Б: [...] (достает телефон, смотрит в телефон)

А: (встает, пересаживается на другое место).

Тактика ухода от коммуникации как способ защиты собственного коммуникативного пространства реализуется посредством молчания в ситуации принуждения к общению. Выбор данной тактики обусловлен желанием не допустить в него другого. Данное намерение позволяет разграничить толерантное речевое поведение и вежливость как тип речевого поведения с его нацеленностью на Другого даже в ущерб собственным коммуникативным интересам. Результат такой коммуникации для адресанта (инициатора общения) можно расценивать как коммуникативную неудачу.

Диалог в автобусе. Участники: пожилая женщина (А), женщина средних лет (Б). Сидят рядом.

А: Весна-то нынче какая / такого не помню / что с рассадой делать будем //

Б: (взглянула, улыбнулась вежливо, отвернулась) [...]

А: (трогает за рукав, привлекает внимание) Я в прошлом году-то уже в конце апреля посадила / внуки приехали / (с гордостью) они у меня в Москве учатся / а у меня уже огурчики свои //

Б: (отняла руку, посмотрела мельком на соседку, улыбнулась, отвернулась) [...]

А: А семья-то есть? / Не садишь для деток? //

Б: (смотрит в окно) [...]

А: (ловит взгляд, ожидает ответа) [...]

Б: (достает телефон, надевает наушники) [...]

А: (тихо, про себя) Что за люди... //

Тактика ухода от коммуникации может осуществляться и с помощью вербальных средств как реакция на попытку собеседника создать общее коммуникативное пространство. Как показал анализ, данная тактика в основном применяется коммуникантами — жителями мегаполиса — при взаимодействии с представителями сельской коммуникативной культуры. Для коммуникантов с сельским укладом жизни, особенно старшего возраста, характерна заинтересованность в общении, повышенное внимание к собеседнику, позитивные оценки собеседника, сокращение дистанции до личной (91 %). Данное речевое поведение можно рассматривать как вежливость. Однако городские жители, как правило, не поддерживают такой тип общения, используя для защиты своего коммуникативного пространства короткие «закрытые» реплики, не предполагающие продолжение коммуникации.

Диалог на улице около сельского магазина. Участники: студентки, фиксирующие диалоги (А), женщина, стоящая около магазина (Б), продавец (В).

Б: Девочки / что-то ищете? // Заблудились, поди? //

А: Нет / спасибо //

Б: А что ищете-то? // К кому вы? //

А: (смущаясь от внимания) У нас просто практика //

Б: Практика? // Учитесь, значит // Молодцы! // А практикуетесь-то на чем? // У нас вроде ничего такого нет //

В: (выходит из магазина) Тамара / корм для твоего Федота сегодня привезут //

Б: Спасибо / зайду / вон девчонки / на практике у нас // Учатся //

В: Хорошо // А то сейчас молодежь не очень учиться-то // Девочки / где учитесь? //

А: В УдГУ // На филфаке //

В: Учителями, значит, будете // (обращается к А) Слышь / Это как у Семеновых / дочка / (к студентам) Катю Семенову не знаете / у вас она там //

Б: Не / не знаем // (растерянно оглядываются) Ну мы пойдём / нам надо //

В: Давайте учитесь / что надо / спрашивайте / тут я / в магазине //

Как видно из текста данного диалога, студенты — носители городской культуры — чувствуют себя некомфортно от необходимости вступать в общение, поэтому их реплики лаконичны и не ориентированы на собеседника.

Таким образом, анализ толерантного речевого поведения на материале бытового диалогического дискурса позволил сделать следующие выводы:

1. Бытовой диалогический дискурс в силу своих характеристик (спонтанность, персонифицированность, эмоциональность, активное использование невербальных средств коммуникации и др.) обуславливает специфичность реализации толерантного речевого поведения по сравнению, например, с публичным дискурсом.

2. Данный тип речевого поведения реализуется посредством ряда речевых тактик, которые свойственны исключительно неформальному речевому взаимодействию.

3. Молчание является специфичным средством реализации тактик толерантности в бытовом диалоге. Оно выступает как эквивалент высказывания (значимое отсутствие вербализованного текста) и может быть использовано в любой тактике.

4. В тактиках ухода от коммуникации и ухода от конфликтной ситуации молчание является единственно возможным средством реализации толерантного речевого поведения.

Список литературы

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика и культура речи. Ростов н/Д: Феникс, 2012. 537 с.
2. Воронцова, Т. А., Копылова, Т. Р. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения // Филологический класс. 2017. № 3(49). С. 29—33.
3. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 569—611.
4. Кан Сын М. Формы выражения толерантности в русском речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 24 с.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.; Волгоград: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
6. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Рус. словари, 1999. 396 с.
7. Копылова Т. Р. Молчание как знак: проблемы интерпретации // Trends in Slavic Studies. М.: УРПС, 2015. С. 721—727.
8. Копылова Т. Р. Молчание в структуре слушания как вида речевой деятельности (на материале русского конструктивного речевого поведения) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 204—211.
9. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славян. культуры, 2004. 888 с.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
11. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99—111.
12. Романова Т. В., А Малафеев. Ю., Морозова Н. Н., Климова (Фокина) М. А. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса): монография. Н. Новгород: Деком, 2017. 300 с.
13. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 39—49.
14. Формановская Н. И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 337—355.
15. Ephratt, M. The functions of silence / M. Ephratt // Journal of Pragmatics. 2008. Vol. 40. P. 1909—1938.
16. Jaworski A. Silence: Interdisciplinary Perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. 416 p.
17. Kurzon D. Towards a typology of silence // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39. P. 1673—1688.
18. Kurzon D. Discourse of Silence. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1998. 162 p.
19. Vorontsova T. A., Kopylova T. R. Silence in the structure of aggressive speech behavior (case study of day-to-day communication) // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2017. Vol 13. P. 97—109.

Сведения об авторах

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. voron500@yandex.ru

Копылова Татьяна Рудольфовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. k_tatiana4@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 26—32.*

TOLERANCE TACTICS IN EVERYDAY DIALOGICAL DISCOURSE

T. A. Vorontsova

Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Russia. voron500@yandex.ru

T. R. Kopylova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. k_tatiana4@mail.ru

While studying tolerance the researchers pay special attention to the selection of speech means that make for implementation of the speaker's certain tactics. Silence, like other materially expressed units, functions in various communicative situations, expresses some definite meanings, and contributes to the achievement of the communicative goal by the subject of communication. The purpose of this article is to extract specific silence tactics in the structure of the tolerant everyday speech behavior. The analysis is based on dialogues related to various types of everyday interaction. Everyday communication has a number of distinctive features, such as: immediacy, unpreparedness, personification, emotionality, sincerity, easiness, non-obligation to comply with the conventional norms appropriate to the institutional communication, the high role of non-verbal means of communication in the capacity of other extralinguistic factors. These specific features stipulate the communicant's frequent appeal to the silence, which, like an utterance, is able to act as a text in the communicative interaction and at the same time serve as a marker of the tolerant Russian speech behavior. This study enabled us to outline silence tactics among which the tactic aimed at avoiding the discomfort zone by the subject of the speech stands out as the main one: discomfort can be created by the topic of the conversation, by the subject matter, by the interlocutor's assessment, by the behavior of the partner or his values that contradict the norms of an addressee.

Keywords: *speech behavior, everyday dialogical discourse, tolerance, speech tactics, silence.*

References

1. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. (2012) *Ritorika i kul'tura rechi* [Rhetoric and Culture of Speech]. Rostov on Don, Feniks Publ. 537 p. [in Russ.].
2. Vorontsova T. A., Kopylova T. R. (2017) *Filologicheskij klass*, no. 3 (49), pp. 29—33 [in Russ.].
3. Vorontsova T. A. (2012) *Rechevaya agressiya, tolerantnost', vezhlivost.* [Speech Aggression, Tolerance, Politeness]. *Yazyk SMI i politika* [Mass Media Language and Politics (Multi-Authored Monograph)]. Moscow, Publ. House of Moscow University; Journalism Department of Lomonosov Moscow State University, pp. 569—611 [in Russ.].
4. Kan Syn M. (2010) *Formy vyrazheniya tolerantnosti v russkom rechevom obshchenii* [Forms of Expression of Tolerance in Russian Conversation. Thesis]. St. Petersburg [in Russ.].
5. Karasik V. I. (1992) *Yazyk social'nogo statusa* [The Language of Social Standing]. Moscow, Volgograd. 330 p. [in Russ.].
6. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. (1999) *Rech' moskvichej: Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Muscovites' Speech: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow, Russkie slovari. 396 p. [in Russ.].
7. Kopylova T. R. (2015) *Molchanie kak znak: problemy interpretacii* [Silence as a Sign: Interpretation Problems]. *Trends in Slavic Studies*. Moscow, URRS. Pp. 721—727 [in Russ.].

8. Kopylova T. R. (2020) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, no. 30 (2), pp. 204—211 [in Russ.].
9. Krysin L. P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [The Russian Word, Their Own One and Other Peoples': Research on Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. 888 p. [in Russ.].
10. Makarov M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 276 p. [in Russ.].
11. Mihajlova O. A. (2005) *Tolerantnost' i terpimost': vzglyad lingvista* [Tolerance and Leniency: The Linguist's View]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS Publ. P. 99—111 [in Russ.].
12. Romanova T. V. (2017) *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema: (analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa)* [Tolerance as a Cultural, Political, and Linguistic Issue: (Based on the Analysis of the Mass Media Materials and the Political Discourse)]. Nizhnij Novgorod, Dekom Publ. 300 p. [in Russ.].
13. Romanova T. V. (2015) *Politicheskaya lingvistika*, no. 2 (52), pp. 39—49 [in Russ.].
14. Formanovskaya N. I. (2005) *Ritualy vezhlivosti i tolerantnost'* [Rituals of Courtesy and Tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS Publ. P. 337—355.
15. Ephratt M. (2008) *Journal of Pragmatics*, vol. 40, pp. 1909—1938.
16. Jaworski A. *Silence: Interdisciplinary Perspectives*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1997.
17. Kurzon D. (2007) *Journal of Pragmatics*, vol. 39, pp. 1673—1688.
18. Kurzon D. (1998) *Discourse of Silence*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamin.
19. Vorontsova T. A, Kopylova T. R. (2017) *Cuadernos de Rusistica Espanola*, vol. 13, pp. 97—109.